

501014

3812

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ ★

ДЕСЯТЬ ЛЕТ

КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО

ОКРУЖЕНИЯ

СССР

СЕРИЯ В СЕМИ КНИГАХ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Е. ПАШУКАНИСА и М. СПЕКТАТОРА

КНИГА ТРЕТЬЯ

А. ЕРУСАЛИМСКИЙ

ГЕРМАНИЯ, АНТАНТА

И СССР

С К В А 1 9 2 8 ★

V.A. KARAZINE KHARKIV NATIONAL UNIVERSITY

ТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКА

ИНСТИТУТ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Цена один рубль 75 копеек

Папка 15 копеек

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ:

Книжный магазин Изд-ва Коммунистической Академии.

Москва, 25, Моховая, 26. Тел. 2-38-97.

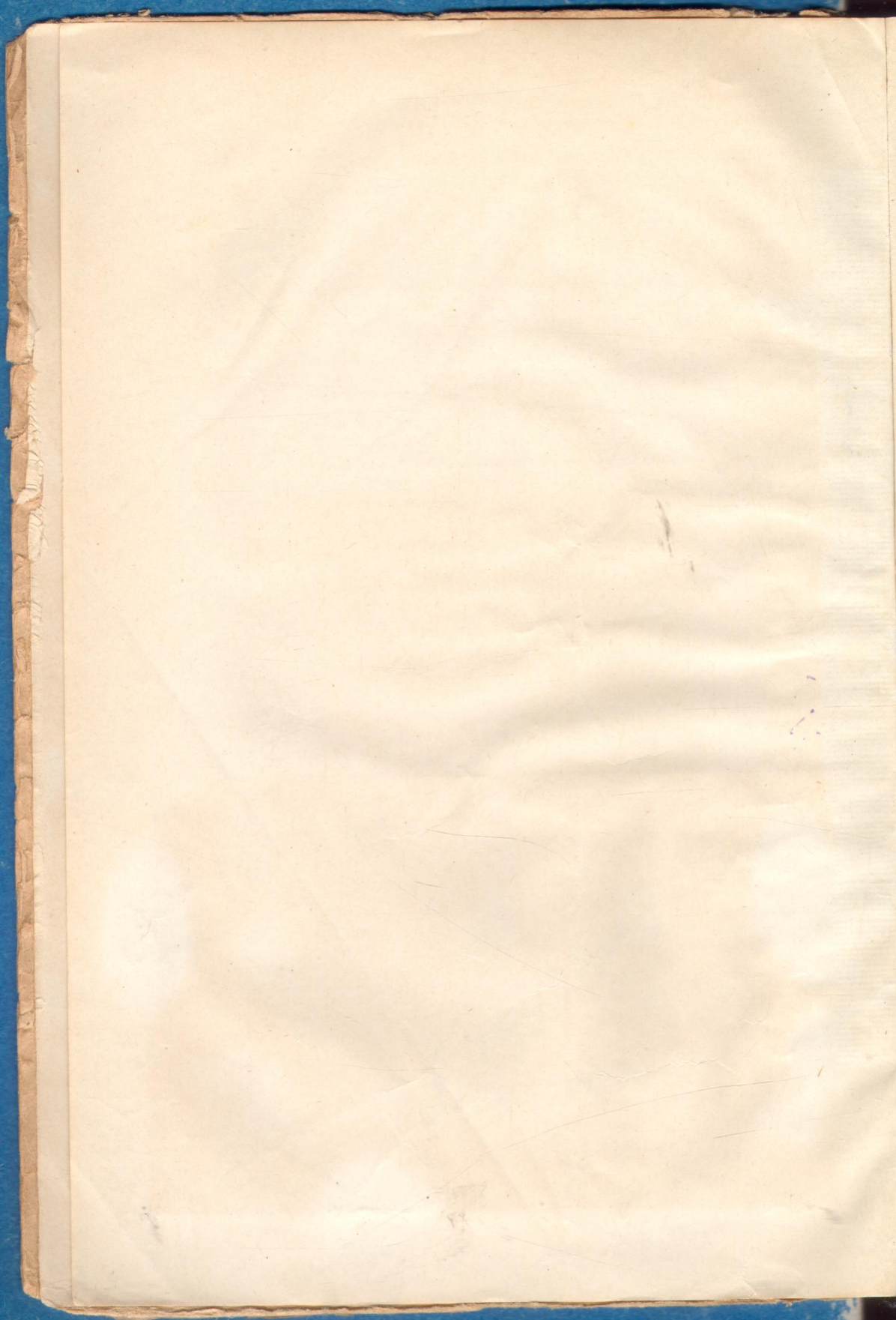
cl. 2161

Aug. 1948

cl. 1948 (cont)

В. П. ПЕТРОВ
НАИМЕНОВАНИЕ
ОБЪЕКТА
ИЛИ

ИЗДАНИЕ

ДЕСЯТЬ ЛЕТ
КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО
ОКРУЖЕНИЯ
СССР

КНИГА ТРЕТЬЯ

№ 3618

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

★

ИНСТИТУТ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

и

МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

ДЕСЯТЬ ЛЕТ
КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО
ОКРУЖЕНИЯ
СССР

★

СЕРИЯ В СЕМИ КНИГАХ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Е. ПАШУКАНИСА и М. СПЕКТАТОРА

КНИГА ТРЕТЬЯ

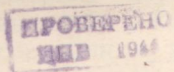
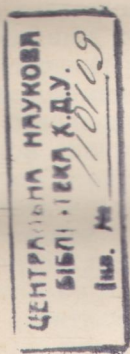
А. ЕРУСАЛИМСКИЙ

ГЕРМАНИЯ, АНТАНТА
И СССР

А. ЕРУСАЛИМСКИЙ

96

ГЕРМАНИЯ, АНТАНТА И СССР

Д.с.
М.Х.6547
222

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
1928

58

ТИП. «ЭМЕС», МОСКВА
ГЛАВЛИТ № А-5684
ТИРАЖ 5.000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Работа А. Ерусалимского посвящена выяснению той роли, которую играла Германия в системе капиталистического окружения нашего пролетарского государства на протяжении первых десяти лет его существования.

Автор ограничивает свою задачу преимущественно изображением событий внешне-политической истории, хотя он ни на минуту не упускает из виду тех внутренних социально-классовых сил, которые определяли на каждом данном этапе то или иное направление германской внешней политики.

Изучение этих вопросов представляет для нас далеко не один только академический интерес. Дело не только в том, что германский империализм в эпоху Бреста являлся ближайшим и потому самым опасным врагом еще неокрепшего советского государства; дело не только в том, что на протяжении, примерно, первых пяти лет после Октября пролетарская революция в Германии представлялась наиболее вероятным следующим этапом мировой социалистической революции; дело в том, что и сейчас, в период относительной капиталистической стабилизации, Германия продолжает стоять в центре не только европейских, но и мировых противоречий после-военного империализма. Восстановление экономической мощи Германии, достигнутое благодаря успехам капиталистической рационализации, беспощадному нажиму на рабочую силу и приливу иностранного капитала, заключено в очень тесные рамки. Рост внешней задолженности, плюс репарационные платежи (которые в 1928 г. должны достигнуть 2,5 млрд. марок в год), плюс пассивность торгового баланса Германии — вот те моменты, совокупность которых гарантирует неизбежность серьезнейших экономических затруднений. Всякая же попытка прикоснуться к плану Дауэса в целях его пересмотра неизбежно вызывает на сцену вопрос о междусоюзнических долгах и все связанные с этим проблемы финансового и политического порядка и, прежде всего, проблему европейско-американских взаимоотношений. Отчет генерального агента по репарациям за 1927 г. предлагает пересмотр плана Дауэса, однако, несмотря на поддержку известной части банков-

ских кругов Америки, это предложение встретило решительный отказ со стороны официальных кругов С. Ш.

Таким образом, пересмотр Дауэсовского плана мало вероятен, по крайней мере, в текущем году.

Чтобы иметь возможность платить репарации и проценты по займам, Германия должна увеличить свой вывоз. Это, в свою очередь, возможно лишь путем значительного увеличения покупательной способности мирового рынка в целом, или путем вытеснения своих конкурентов. На первую возможность не приходится сейчас рассчитывать; вторая доступна для капиталистической Германии только путем такого снижения жизненного уровня трудящихся, которое позволило бы побить своих конкурентов дешевизною товаров. Но этот путь чреват не только бешеным сопротивлением извне, со стороны капиталистических конкурентов, но и крайним обострением социальной борьбы внутри Германии.

Вместе с тем германский капитализм, консолидирующийся экономически, все еще лишен атрибутов внешнеполитической мощи. Это результат того положения вещей, которое создано Версальским миром. Германский империализм лишен колоний и обезоружен; на западе Рейнская область занята французскими войсками, на востоке польский коридор отрезает Восточную Пруссию. Лучшая часть Верхней Силезии находится в руках Польши, Саарский угольный бассейн, фактически, в руках Франции. Версальский договор запрещает Германии объединение с австрийской республикой.

Германская буржуазия, которая отчетливо сознает, что она сумела удержаться в седле только благодаря притоку американских капиталов, не мечтает, разумеется, об одновременном разрешении всех этих жгучих для нее проблем. Но она накапливает силы, чтобы постепенно ставить их в порядок дня, используя всякую выгодную для нее политическую ситуацию.

Здесь мы подходим к вопросу, который самым непосредственным образом касается СССР, ибо речь идет о позиции буржуазной Германии в конфликте между Советским Союзом и британским империализмом. Германия, несомненно, занимает видное место в замыслах британского империализма касательно создания единого анти-советского фронта. Можно даже утверждать, что именно германская проблема является в данном случае центральной.

До сих пор Германия в общем оставалась верна политике нейтралитета. Эта политика нашла себе выражение в одновременном подписании Локарнского пакта и Берлинского договора. Мотивы германского нейтралитета лежат в экономической и политической области. Экономически

Германия заинтересована в советском рынке; развитие экспорта на Восток является для нее жизненной необходимостью. Политический расчет показывает германской буржуазии, что позиция нейтралитета в данный момент наиболее выгодна.

Таким образом, советское государство в настоящий момент, так же, как и при своем возникновении, имеет возможность использовать для укрепления своих дипломатических позиций те противоречия, которые имеются в лагере империалистов. Из этих противоречий не на последнем месте стоит противоречие между вчерашними победителями и побежденной Германией. Поэтому работа т. Ерусалимского, прослеживающая все повороты германской политики, ее лавирование между «восточной» и «западной» ориентацией, ее зигзаги, иногда для нас весьма неблагоприятные, представляет значительный интерес.

Принимая во внимание то обстоятельство, на которое указывает и сам автор, а именно, что по его теме, особенно для последних лет, имеется весьма скудный материал и многое, м. б. самое важное, еще хранится в тайниках дипломатических архивов, нужно, тем более, признать, что картина германской внешней политики дана им достаточно полная и достаточно отчетливая.

Е. Пашуканис

О ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

В системе международно-политических отношений капиталистических государств Германия для Советской России, а позднее для Советского Союза, занимает совершенно особое место. Собственно говоря, о единой системе международно-политических отношений со времени Октябрьской революции говорить не приходится, ибо история последнего десятилетия характерна такими грандиозными зигзагами, каких еще, быть может, не знало прошлое Европы. Империализм получил первую брешь в самом слабом месте — в России, а значение самого факта Октябрьской революции не могут недооценить даже те, кто является ее противниками. Дело будущего подвести итоги и дать всесторонний анализ той роли, которую Октябрьская революция сыграла за пределами Советского Союза. Для этого требуется не только большой подбор фактического материала, но и широкая, вернее, глубокая историческая перспектива. Однако, уже теперь можно, хотя бы лишь пунктиром, наметить основные международно-политические линии, являющиеся в своей совокупности той системой отношений, в которой Советской России, а затем Советскому Союзу приходилось пробивать себе дорогу. Если неустойчивость системы международно-политических отношений является вообще весьма характерной чертой эпохи империалистической политики, — то это тем более относится к истории последнего десятилетия, которое проходит под знаком грандиозных социальных потрясений и перерождений, как результатов социальной революции и мировой империалистической войны.

Как бы ни складывалась в каждый данный момент система международно-политических отношений, однако, с точки зрения социологической, в ней неизбежно поляризуются две основные силы современности: империализм и социальная революция. Основные противоречия последнего десятилетия лежат именно тут, однако, это вовсе не преодолевает противоречивого характера самой империалистической системы. Наиболее опасным моментом для революции было непосредственное столкновение с побеждающим германским империализмом. Положение бы-

ло особенно остро до подписания Брестского мира. В результате революционного потрясения и военного катаклизма государства Центральной Европы вышли из строя империализма, и если это было победой империалистических держав Антанты, то, с другой стороны, для империализма, взятого в целом, это было таким ударом, который в условиях неподспевшей социальной революции на Западе оказал известное влияние и на положение Советской России. К тому же крах империалистических держав Центральной Европы создал совершенно новую ситуацию, которая, в свою очередь, послужила стимулом для развития противоречий в стане победившей Антанты. Побежденная Германия, оставшись страной капиталистической, являла собой брешь в окружающей Советский Союз системе империалистических держав. Если рабочее движение на Западе и национально-революционное движение на Востоке являлись опорой Советской республике, непосредственно нанося империализму могучие удары, то побежденная Германия косвенно, самым фактом своего существования и своей борьбой за существование *volens-nolens* содействовала международно-политическому укреплению Советского Союза, в свою очередь, отчасти опираясь на него. Но законы, имманентные капитализму, продолжают свое действие: Германия, не превращенная революцией в страну социалистическую, капиталистически стабилизируясь, перестала быть объектом политики Антанты, верней, доминирующей в ней силы, — довольно быстро превращается в мощный субъект самостоятельной политики и даже делает первые попытки выступления на широкую дорогу империалистической практики. Империалистические державы Антанты воевали с Германией для того, чтобы выбить из строя, обескровить своего наиболее могучего соперника, наиболее грозного конкурента на мировом рынке. Затем — в условиях вскрывшегося и обнаженно-выступившего англо-французского соперничества за гегемонию в Европе — каждая из сторон пыталась по своему использовать политическую слабость Германии. Перевес был дан вмешательством С. Штатов, для которых гарантией их экономических интересов являлась «замирленность» Европы. Роль Германии на арене международно-политических отношений становится все более значительной — и подобно тому, как раньше пытались использовать слабость Германии, — теперь наиболее яркий носитель империалистической политики пытается использовать ее усиление, в частности, для организации антисоветского блока. Таким образом, при рассмотрении того значения, которое Германия имеет для неоднократно меняющейся в последнем десятилетии международно-политической системы, можно вычертить три основные линии в

схеме: Германия между Антантой и Советским Союзом. Схема эта остается для истекающего десятилетия неподвижной, однако, намеченные три основные линии, дабы не остаться простыми значками, указывающими направление в смене международно-политических отношений в капиталистическом окружении Советского Союза, нуждаются в детализации, в некотором наполнении конкретным материалом, который, конечно, ни в коей мере не может выражать собой все неисчерпаемое многообразие действительности, — тем более, что дипломатия не перестала быть тайной, и таким образом, богатейшие залежи материала лежат вне пределов непосредственного эмпирического наблюдения. Задача, таким образом, определяется сама собой: наметить по возможности в терминах относительно-конкретных основные контуры германской политики, занимающей особое место в отношениях между Советским Союзом и его капиталистическим окружением.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

БРЕСТСКИЙ МИР И КРУШЕНИЕ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Если правомерно утверждение, что поражение Германии заложено было в Брест-Литовске, то, быть может, также с некоторым правом можно заключить, что вступление С. Штатов в войну на стороне Антанты с сокрушительным для Германии новым притоком технического, военного и свежего человеческого материала не случайно совпало с российской революцией.

Из опубликованных материалов германских политических деятелей с очевидностью явствует, что не только в тех политических кругах, которые были против объявления беспощадной подводной войны, но и в тех, которые были за нее, понимали, что подобная война неотвратимо приведет С. Штаты к выступлению. Германский посол в Вашингтоне, хорошо осведомленный о положении дел на месте, не упускал случая сообщить об этом своему правительству¹. Борьба вокруг этого вопроса началась еще в ноябре 1914 г. по инициативе яростного апологета неограниченной подводной войны—адмирала Тирпитца, и усилилась в конце 1915 г., перейдя в политическом отношении в руки организаций правящих классов Германии—шести крупных экономических союзов (союз сельских хозяев, германский крестьянский союз, христианские сельские союзы, центральное объединение германских промышленников, союз германских промышленников, имперский союз среднего класса). То или иное отношение к объявлению беспощадной войны подвод-

¹ «Если теперь начнется подводная война,—телеграфировал в Берлин германский посол в Вашингтоне граф Бернсторф 27 января 1917 г.,—президент сочтет это за пощечину и война с С. Штатами будет неизбежной. Здешняя партия войны возьмет верх, и окончание войны, по моему мнению, значительно отдалится, так как, несмотря на все слухи, сила С. Штатов огромна. С другой стороны, если мы пойдем на предложение Вильсона, то президенту будет невозможно вступить в войну против нас, даже если мы начнем подводную войну. Дело идет, следовательно, лишь о небольшой отсрочке в вопросе об улучшении нашей дипломатической позиции. Я все же представляю себе, что мы путем конференции достигнем лучшего мира, чем в том случае, если С. Штаты примкнут к нашим врагам».

Graf Johann-Heinrich Bernstorff. Deutschland und Amerika. Berlin. 1920. S. S. 374—375.

ными лодками, определялось не столько вопросом о подготовленности Германии, сколько оценкой возможности выступления С. Штатов на стороне Антанты. Соображения формального характера явились лишь фасадом, прикрывающим общую оценку политической ситуации, в связи с тем местом, которое занимали С. Штаты в борьбе между Четверным союзом и Антантой. «Внимание к американским интересам,—гласила петиция вышеназванных экономических союзов,—не должно идти так далеко, чтобы выбивать из рук Германии сильнейшее оружие, которым она теперь располагает в экономической борьбе с Англией»¹. Весь вопрос сводился к оценке перспективы противогерманского выступления С. Штатов, как возможного и как неизбежного.

Сначала в кругах официальной политики отказом от беспощадной подводной войны предполагалось предотвратить возможное, между тем, как возглавляемая Тирпитцем оппозиция этой войной предполагала предупредить неизбежное. «Концентрация англо-саксонской хозяйственной и культурной жизни в Англии и Америке уже до войны сильно продвинулась,—писал адмирал Тирпитц в одной из своих докладных записок императору Вильгельму, доказывая неизбежность выступления С. Штатов на стороне Антанты и обосновывая твердую политику и необходимость незамедлительного объявления беспощадной подводной войны.—Во время войны развитие это продолжалось с утроенной быстротой и силой. В настоящее время эта связь настолько крепка, что Америка непосредственно заинтересована в победе Англии. Америка, кроме того, убеждена в том, что сотрудничество Англии ей понадобится для борьбы против японской опасности и поэтому стремится оградить европейский фланг от какой-либо опасности. Отсюда следует необходимость тесного союза с Англией в обеспечение нашей собственной победы. Именно это, а ничто другое, является ключом к американской политике в вопросе о подводных лодках: Америка хочет нашего поражения»². Борьба вокруг вопроса о применении беспощадной подводной войны разгорелась, и жертвой ее пал, между прочим, сам адмирал Тирпитц, который теперь в своих мемуарах и изданием интереснейших документов пытается доказать, что если виновной в возникновении и войны была Англия, то виновниками исхода войны являются политические руководители Германии, не поняв-

¹ Эрцбергер. Германия и Антанта. Мемуары. Перевод с немецкого Е. Федотовой, 1923. Стр. 182.

² Politische Dokumente von A. Tirpitz. Deutsche Ohnmachtspolitik im Weltkriege. 1926. S. 531. Bericht des Grossadmirals v. Tirpitz über den deutsch—amerikanischen Konflikt. 27. April 1916. Cp. Brief an Graf Hertling. Ende März 1916. SS 514—517.

шие актуального значения своевременного выступления крайней мерой — беспощадной подводной войны. «Если бы Германия могла предусмотреть русскую революцию, — писал позднее Тирпитц, — то может быть, в 1917 г. нам не пришлось бы рассматривать подводную войну, как наше последнее средство. Однако, в январе 1917 г., не было заметно еще ни одного внешнего признака русской революции»¹. Отставленный Тирпитц все же победил, считая теперь свою победу слишком запоздалой: в начале января 1917 г. в германской главной квартире было принято окончательное решение начать неограниченную беспощадную подводную войну, как последнее средство («ниспосланный небом дар», по выражению Тирпитца)² блокировать, задушить голодом и поставить на колени Англию, прежде чем С. Штаты реально смогут бросить свой меч на весы. Первые результаты беспощадной подводной войны казались сначала в Германии благоприятными. Статс-секретарь Гельферих пытался даже доказать, что ввоз хлеба в Англию сразу уменьшился более чем на 20%, однако, с точки зрения военной, — несоответствие между небольшим количеством имеющихся подводных лодок (как сообщил 28-го сентября 1918 г. статс-секретарь морского министерства фон-Манн в рейхстаге, на 13 января 1918 г. у Германии имелось всего лишь 143 подводных лодки, из коих две трети находились в верфях или в починке и только одна треть действовала) и грандиозным масштабом поставленной задачи только затрудняло положение Германии, тем более, что оборонительные средства ее противников неуклонно усиливались, а впоследствии — в 1918 г. — Германия больше теряла подводных лодок, чем успевала их строить. С.-А. С. Штаты, обслуживавшие европейскую войну, развившие у себя военную промышленность и субсидирующие Антанту³, выступили в тот момент, когда обе европейские коалиции были достаточно изнурены борьбой, когда Германия решилась

¹ А. Тирпитц. Из воспоминаний. Перевод с немецкого Д. П. Кончаловского. С пред. В. Гурко-Кряжина. 1925. Стр. 236—237.

² А. Тирпитц. Из воспоминаний. Стр. 224.

³ До конца 1918 года С. Штаты снабдили займами следующие государства.

Англия. . .	4.175.981.000	долл.
Франция . .	2.436.427.000	"
Италия. . .	1.310.000.000	"
Россия. . .	325.000.000	"
Бельгия . .	252.895.000	"
Сербия. . .	12.000.000	"
Греция. . .	39.554.036	"
Румыния. .	6.666.666	"

Всего: 8.558.523.702 (O. Krahl. Die Rolle Amerikas im Weltkriege. Berlin und Leipzig 1920. S. 187).

прибегнуть к последнему средству, и когда своим вмешательством Вашингтон становился решающей силой в мировой войне и руководящей силой в мировой политике¹. Однако, это выступление произошло не сразу. 1 февраля 1917 года Германия начала беспощадную подводную войну. В ответ на это С.-А. С. Штаты тотчас же оборвали официальные дипломатические отношения. 26 февраля в своем послании конгрессу Вильсон объявил положение «вооруженного нейтралитета», потребовал кредитов и вооружения американских торговых судов. Исход борьбы, происходившей между различными американскими группировками при усиленном содействии с одной стороны Антанты, с другой стороны, Германии,—по вопросу о вступлении С. Штатов в войну, определился, нужно думать, не только предпринятой Германией беспощадной подводной войной, но и фактом русской мартовской революции. Предложение Вильсона об объявлении войны было 4 и 5 апреля принято обеими палатами, 14 апреля конгресс принял закон о всеобщей воинской повинности и открыл военный кредит в семь миллиардов долларов. Для Германии еще более осязательно вставала задача—добиться победы в Европе прежде, чем подоспеет американская помощь Антанте², перед которой в свою очередь вставала та же задача—продержаться до тех пор, пока эта помощь подоспеет. А положение на русском фронте было для Антанты уже в начале революции воистину угрожающим. «Как бы трудно ни было положение России, с точки зрения общего дела,—писал Керенский Ллойд-Джорджу позднее, накануне Октябрьской революции,—мы можем утверждать, что оно лучше, чем прошлой весной. Тогда на нашем фронте установилось фактически состояние перемирия—результат пропаганды, «братания» и упадка военной дисциплины. Это положение тем больше внушало беспокойство, что немцы с ним считались, воздерживаясь от всяких военных действий на нашем фронте, в надежде использовать освобождающиеся таким путем военные силы против наших союзников. Признавая всю опасность, временное правительство решило положить ему конец во что бы то ни стало. Наше наступление, несмотря на успех вначале, кончилось неудачей. Тем не менее, его главная цель—положить конец состоянию перемирия и возобновить войну—должна рассматриваться, как достигнутая ценою вели-

¹ „Как банкиру и как кредитору, — гласит заявление председателя совета банков С. Штатов опубликованное 22 марта 1917 г., — С. Штатам необходимо иметь место за столом на мирной конференции и быть в более выгодной позиции, сопротивляться всяким предложениям отвергнуть долги, так как следует помнить, что мы вынуждены будем с палкой в руках заступиться за всякого гражданина, владеющего обязательствами, которые могли бы быть отвергнутыми“.

² Hindenburg. Aus meinem Leben. Leipzig 1920. S. 311.

ких жертв»¹. Правительство Керенского делало все возможное, чтобы оказать поддержку Антанте, и потому, в свою очередь, пользовалось поддержкой последней.

Одной из задач Октябрьской революции была борьба за мир. В ноябре Второй всероссийский съезд советов принял декрет о мире и обратился к воюющим странам с предложением вступить в общие переговоры о мире, и к правительствам нейтральных стран с предложением воздействовать на воюющие стороны в этом направлении. Не получив ответа, советское правительство повторило свое обращение к державам Антанты, которые на сей раз, уклонившись от прямого ответа, решились на протест, к тому же направленный к смещенному генералу Духонину. Тем с большей готовностью вступили в переговоры о перемирии, а затем и о мире, Германия и ее союзники, особенно последние, переживавшие угрожающие продовольственные затруднения. Для Германии вопрос заключался не только в том, чтобы миром на Востоке разрешить продовольственные затруднения Австро-Венгрии и Турции, и тем самым удержать их от сепаратного мира, но и в том, чтобы, ликвидировав восточный фронт, перебросить войска для удара на Западе. Это последнее диктовало определенную политическую линию еще ранее, по отношению к царской России: недаром впоследствии адмирал Тирпитц обвинял германское правительство в том, что оно недостаточно энергично боролось за мир на Востоке. Центральные державы, действительно, искали сепаратного мира на Востоке (в конце марта 1916 г. переговоры Стиннеса с японским послом в Стокгольме о сепаратном мире Германии с Японией и Россией; переговоры доктора Варбурга с будущим русским министром Протопоповым и др.). Но и последняя попытка завязать сношения с русским двором оказалась неудачной: личное письмо принца Макса Баденского императору Николаю было написано как раз в день мартовской революции². Задачей Советского правительства было добиться всеобщего подлинно-демократического мира без аннексий и контрибуций на основании самоопределения народов. Именно поэтому одним из первых шагов Октябрьской революции было — разоблачение империалистической политики путем опубликования тайных договоров, а с другой стороны — именно на этих основаниях покоилась деятельность советской делегации в Брест-Литовске. Наконец, из того, что Октябрьская рево-

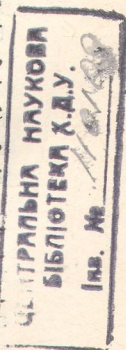
¹ Цит. М. Н. Покровский. Внешняя политика России в XX веке. Москва 1926. Стр. 62.

² Prinz Max von Baden. Erinnerungen und Dokumente. Brl. Lpzg 1927. S. 85. Письмо это довольно ясно давало понять о желательности прекращения военных действий на восточном фронте и аргументировало тем, что английская дипломатия подготавливает в России революцию.

люция рассматривала себя как начало мировой революции — исходила и тактика советской делегации тогда, когда ясно стало, что такого мира добиться невозможно: тянуть переговоры, но не доводить до разрыва, превратить мирную конференцию в трибуну мирной, истинно-социалистической пропаганды среди народов, и в первую очередь — обращение к германскому народу через голову германских генералов и профессиональных дипломатов. 3 декабря в главной квартире германского командующего восточным фронтом, в Брест-Литовске, начались советско-германские переговоры о перемирии. Первое требование советской делегации было — полная гласность переговоров, — требование, на которое германское командование вынуждено было согласиться, выполняя у себя это впоследствии довольно своеобразно: германские публикации относительно переговоров подвергались предварительной тенденциозной обработке. Условия перемирия были выработаны германским верховным командованием заранее, — однако советская делегация первая выдвинула свои условия общего перемирия, которые сводились к следующему: 1) длительный срок перемирия с тем, чтобы мог собраться мирный конгресс всех народов, 2) отказ германского командования от перевозки войск с восточного фронта на западный и 3) эвакуация германских войск с Моозундских островов, откуда имела угроза положению Петрограда¹. В последнем вопросе генерал Гофман в терминах достаточно резких отказал, легко, однако, согласившись принять второе требование советской делегации: «уже раньше, чем начались переговоры в Брест-Литовске, было отдано распоряжение о перевозке большей части войск с восточного фронта на западный»². В виду того, что германский ответ на советское требование всеобщего перемирия сводился к предложению сепаратного перемирия на всем восточном фронте, советская делегация, не входя в официальное рассмотрение германских условий, потребовала перерыва в переговорах. «Российское правительство понимает, — заявил член делегации Каменев в своем отчете о переговорах на заседании Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, — что тот факт, что мы привезли в Брест условия не сепаратного перемирия, а перемирия всеобщего, — должен иметь большое значение в глазах народов воюющих стран. В ту неделю, которая осталась до возобновления переговоров, правитель-

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. Т. I. Полный текст стенограмм. Под редакцией и с примечаниями А. А. Иоффе, с предисл. Л. Д. Троцкого. Москва 1920. стр. 188.

² General Max Hoffmann. Der Krieg der Versäumten Gelegenheiten. München. 1924. S. 192.

ства, парламенты, пресса, партии воюющих стран должны заявить — желают ли они принять участие в переговорах российской революции, в которых революционная Россия будет отстаивать не сепаратный сговор, не эгоистические начала, а принципы, равно дорогие для всех демократий»¹.

15 декабря перемирие сроком до 14 января 1918 г. было подписано советской делегацией и представителями высшего командования Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии. Через неделю, 22 декабря, начались заседания мирной конференции. Исходя из основных принципов Октябрьской революции, советская делегация выдвинула, как основу для мирных переговоров, следующие положения (текстуально): 1) Не допускаются никакие насильственные присоединения, захваченных во время войны территорий. Войска, оккупирующие эти территории, выводятся оттуда в кратчайший срок. 2) Восстанавливается во всей полноте политическая самостоятельность тех народов, которые во время настоящей войны были этой самостоятельности лишены. 3) Национальным группам, не пользовавшимся политической самостоятельностью до войны, гарантируется возможность свободно решить вопрос о своей принадлежности к тому или другому государству или о своей государственной самостоятельности путем референдума. Этот референдум должен быть организован таким образом, чтобы была обеспечена полная свобода голосования для всего населения данной территории, не исключая эмигрантов и беженцев. 4) По отношению к территориям, занимаемым несколькими национальностями, право меньшинства ограждается специальными законами, обеспечивающими ему культурно-национальную самостоятельность и, при наличии фактической к тому возможности, административную автономию. 5) Ни одна из воюющих стран не обязана платить другим странам так наз. «военных издержек»; взысканные уже контрибуции подлежат возвращению. Что касается возмещения убытков частных лиц, пострадавших от войны, таковое производится из особого фонда, образованного путем пропорциональных взносов всех воюющих стран. 6) Колониальные вопросы решаются при соблюдении принципов, изложенных в пунктах 1, 2, 3 и 4.

В качестве дополнительных основных положений Советская делегация предложила считать недопустимым ограничение свободы слабых народов — сильными державами, в какой бы форме это ни происходило: экономический бойкот, навязанный торговый договор, морская блокада и т. п.².

¹ Ю. Каменев. Борьба за мир. (Отчет о мирных переговорах в Бресте) Пгтр. 1918. стр. 11—12.

² Мирные переговоры в Брест-Литовске Т. I. Протокол Пленарного заседания мирной конференции 22 декабря 1917 г.

Делегация Четверного союза согласилась принять советские предложения, хотя и с некоторыми существенными поправками, как основу для переговоров о всеобщем мире. Однако, за приемлемой формулой скрывались истинные цели германского империализма, политика которого в дальнейшем выстраивалась, как равнодействующая борьбы различных сил: внутренне-политических, внешне-политических и военного соотношений на западном и восточном фронтах. Германской дипломатии пришлось потратить немало усилий, чтобы обезвредить позицию своих союзников и чтобы сохранить единый фронт, взрывааемый по ту сторону официальных переговоров противоречиями интересов в пределах Четверного союза. Не понимая тонкой политической игры, которую Германия собиралась вести в Бресте, болгарский депутат, при обработке ответа на декларацию советской делегации, наотрез отказался признать для себя обязательность формулы «без аннексий», соглашаясь принять эту формулу лишь в том случае, если присоединение к Болгарии сербской и румынской территории не будет считаться аннексией¹. Германской и австрийской дипломатии пришлось прибегнуть к решительным мерам, чтобы сломить тупое, но откровенное упорство болгарского делегата. Германии пришлось выдерживать дипломатическую борьбу также и с Турцией, которая собиралась потребовать от Советской России эвакуации войск с Кавказа,—вместе с чем, конечно, неизбежно вытекал вопрос об эвакуации германских войск из Польши, Курляндии и Литвы,—на что германское командование соглашаться не собиралось. Внутренне-потрясенная, стоящая накануне продовольственного краха Австро-Венгрия всецело поддерживала Германию в тех случаях, когда поставленный Болгарией или Турцией вопрос затруднял течение мирных переговоров, и таким образом, политика двуединой монархии солидаризировалась с Германской официальной дипломатией, которая проводила «миролюбивую» политику легкой индустрии, интересы одной из буржуазных группировок, нуждающейся во внешнем рынке² и ведущей за собой более широкие круги общества, уставшего от войны и жаждущего мира. Этой группировке противостояла фактически существующая в Германии, выдвинутая интересами тяжелой индустрии и юнкерством, военная диктатура в лице высшего командования. Ее представителем в брестских переговорах был генерал Гофман, все время поддерживавший связь с фельдмаршалом Гинденбургом и генералом Людендорфом, и действовавший по их инструкциям. Таким образом, позиция Германии опре-

¹ О. Чернин. В дни мировой войны. Перев. с немецкого М. Константиновой. пред. М. Павловича, 1923. Стр. 243.

² М. Покровский. Стр. 69 и сл.

делялась сложным взаимоотношением внутренние и внешне политических сил. В общем же двойственность политической линии, которая в начале брестских переговоров наметилась между позицией Германии и ее союзников, в дальнейшем все более углублялась, однако, уже в другом разрезе: с одной стороны, высшее военное командование и, с другой стороны, германская дипломатия, в лице Кюльмана, и германские союзники, поддерживающие ее в требовании мира вплоть до вовсе недвумысленно высказанной австрийской угрозы заключить сепаратный мир. Политическая программа германского генералитета в Брест-Литовске в степени своей агрессивности и заостренности определялась не только интересами германского империализма, но и положением дел на фронтах. Поскольку на западном фронте положение к этому времени угрожающим для Германии не было, а на восточном фронте русская армия продолжала таять, германские генералы на сей раз искренне сожалели, когда мирной конференции пришлось согласиться с предложением советской делегации о десятидневном перерыве, чтобы Антанта смогла принять участие в переговорах на основе установленных демократических принципов: дело в том, что немецкие генералы в самом деле испугались возможного появления Антанты на конференции. Однако империалистический характер политики Антанты в данном случае устранил опасения германского милитаризма: Антанта на конференцию, как известно, не явилась, положение Германии на Западном фронте не казалось еще безнадежным, и германский генералитет вмешался в ход дальнейших переговоров, навязав принципам, положенным ранее в основу работ мирной конференции, свою собственную интерпретацию и проводя совсем иную политическую линию. Вообще нужно заметить, что до начала брест-литовских переговоров единство цели, задач, как в смысле их постановки, так и в смысле определения методов их разрешения,—не было достигнуто ни между Германией и ее союзниками, ни между ответственными политиками и военным командованием в самой Германии. В германских политических кругах не доверяли Вене, предполагая, что последняя в целях присоединения к себе в какой-либо форме русской части Польши постарается договориться с Петербургом за спиной Германии. В ходе переговоров политическая линия, занятая германской дипломатией, выравнивалась уже хотя бы в том, что со стороны Австро-Венгрии, Болгарии и Турции имелась определенная поддержка в смысле желаний достигнуть скорейший мир.

Чернин, австрийский министр иностранных дел, неоднократно заявлял германским представителям, что готов поддерживать Германию до крайней степени, т.е. до раз-

рыва переговоров, после чего он оставлял за собой свободу действий—право заключить сепаратный мир: в Австрии началось сильное забастовочное движение, продовольственные беспорядки и протесты против вялости брестских переговоров. Требование Советской власти о перенесении конференции в Стокгольм было самым решительным образом и ультимативно отклонено Центральными державами, боявшимся вести переговоры в условиях, когда советская делегация не была бы изолированной от всего мира: в этом отношении единый фронт был проведен до конца. Но уже в самом начале второй стадии переговоров взятая вначале линия переговоров была резко разоблачена энергичным вмешательством военного командования, которое решило, отбросив всякие дипломатические тонкости, действовать методом «удара по голове» („noch eine ordentliche auf den Kopf zu schlagen“,—как выразился ген. Гофман), говорить тоном победителя с побежденным. Это самым ярким образом проявилось тогда, когда вопрос о самоопределении перешел из сферы формальных деклараций в плоскость конкретного и реального разрешения. Проводя усиленную подготовку на западном фронте весеннего наступления, которое считалось решающим и которым надеялись нанести Антанте сокрушительный удар до прибытия американской помощи,—германское высшее военное командование готово было в Брест-Литовске заключить мир, но мир быстрый и соответствующий ее империалистическим притязаниям, а поскольку этому противодействовали и тактика, и твердая позиция советской делегации, возглавляемой Троцким, германская военщина явно взяла курс на срыв переговоров,—тем более, что для одной и достаточно широкой части восточного фронта нашлись удобные партнеры в лице делегации Украинской Рады, с которой—уже хотя бы по ее социально-политической природе,—можно было договориться скорее. Переговоры Четверного союза с украинской делегацией с обеих сторон форсировались, т. к. власть Рады на Украине сильно колебалась волною восстаний, переговоры же с ее представителями сильно затрудняли позицию советской делегации, а заключенный мир являлся бы «хлебным миром» (Brotfrede, как называли в Австрии этот мир с Украиной). Советская делегация, признавшая независимость Украины, не могла, однако, признать единственной политически-правомочной ее представительницей Центральную Раду, ибо, ко времени подписания последней сепаратного мира с державами Четверного союза, «единственной территорией, где еще держалась Рада,—по выражению Троцкого,—был Брест-Литовск». И чем дальше и интенсивней проходили переговоры Четверного союза с украинской Радой,—тем затруднительней ста-

новилося положение советской делегации, для которой реальные условия мира, по мере того, как выдвигались к практическому разрешению новые конкретные вопросы,—становились все более неприемлемыми. Уже в конце первого периода мирных переговоров, победа военной партии сказалась в вопросах восточной политики в явных притязаниях на аннексию Литвы, Польши, части Латвии. Методом согласования первоначальной декларации о демократическом мире с явно-аннексионистской политикой служили для Германии буржуазно-националистические тенденции, успевшие расцвести во время войны, а главным образом, после революции в бывших российских окраинных областях. Относительно говоря, предложенные Четверным союзом в этой стадии переговоров условия мира были наиболее мягкими, однако, революционное правительство, боровшееся за всеобщий демократический мир, согласиться на эти условия не могло. С самого начала второго периода переговоров в Брест-Литовске, после того как советскому правительству перенести конференцию в Стокгольм не удалось, аннексионистские замыслы, одержавшего победу германского командования, ловко использовавшего переговоры с украинской Радой,—выступили с полной ясностью. Советская делегация превратила Брест в мировую трибуну революционной агитации. Надежда на стачечную волну, охватившую в январе Австро-Венгрию, Германию и Польшу, как на начало революции в Центральной Европе,—оказалась преждевременной: пролетарское движение было отброшено. Все средства затянуть переговоры были использованы и исчерпаны. Подписание мирного договора между украинской Радой, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией, с другой стороны, ускорило развязку. Кюльман получил телеграфный приказ Вильгельма покончить переговоры, выставив еще более тяжелые требования. Аннексионистские замыслы и агрессивные тенденции германских империалистов по отношению к Советской России были вскрыты до конца. Советская делегация уехала, об'явив войну законченной, но мира не подписав и, таким образом, апеллировала к германскому пролетариату. Поддержка эта не пришла, а разрешение вопроса принесло состоявшееся 13 февраля в Гомбурге совещание высших военных и политических властей, которое протекало в условиях, когда положение на востоке было полно неопределенности, а на западе Германия готовила решительное наступление. «В данный момент,—пишет Людендорф,—русская армия не являлась боевым фактором. Но Антанта только ждала случая укрепить русский фронт, да и большевистские вожди были люди дела, которые могли работать агитацией, а если оставить им время, то сумели бы и без Антанты пустить в ход оружие. Русский фронт ежеминутно мог возродиться тем

или иным путем. Румыния также никогда не заключила бы мира, если бы Россия не подписала его первая. В таком случае наступление на Западе становилось совершенно безнадежным, а вместе с тем мы упускали момент, когда являлась возможность победоносно закончить мировую войну, которую мы вели, имея слабых союзников, против во много раз превосходного противника. Украина нам была нужна, как вспомогательная сила для борьбы с большевизмом, но прежде всего мы должны были не выдать ее большевикам... Без Украины голод был неизбежен... Чтобы воспрепятствовать самим большевикам образовать новый восточный фронт, мы должны были нанести короткий, но сильный удар расположенным против нас русским войскам, который позволил бы нам при этом захватить большое количество военного снаряжения. Дальнейшее развитие операций на востоке не имелось в виду на ближайшее время... Финляндия, которая обратилась к нам за помощью против большевистского засилия, также могла явиться нашей союзницей в борьбе с большевиками. Ее присоединение усиливало давление на Петроград, а также в сторону Мурманской железной дороги... Надо было действовать, и этого требовал извечный закон войны. На этом пути можно было быть уверенным, что удастся добиться мира»¹. Именно в этих терминах обрисовал Людендорф в Гомбурге общее положение вещей, и такова была его программа действий, которая, выдержав некоторую борьбу со стороны имперского канцлера и Кюльмана, была впоследствии полностью реализована. Со своей точки зрения Людендорф был столь же прав в оценке общей ситуации, сколь и верно наметил метод ликвидации восточного фронта и заключения нужного германскому империализму мира. Действительно, «короткий, но сильный удар» разбил всю конструкцию «ни мира, ни войны», вскрыл правильность утверждения Ленина, «что революционная фраза о революционной войне может погубить нашу революцию»². Советское правительство вынуждено было под напором вооруженных сил германского империализма принять не только чрезвычайно тяжелые условия германского ультиматума, но и пред'явленные Турцией претензии на области Ардагана, Карса и Батума.

3 марта 1918 года Брестский мир³, «похабный мир», был заключен, и притом на условиях несравненно более тяжелых для Советской России по сравнению с теми, на которых была возможность заключить мир раньше. В про-

¹ Людендорф — Мои воспоминания о войне 1914—1918. Т. II. Перевод с 1-го немецкого издания под ред. А. Свечина. ГИЗ. 1924. Стр. 131—133.

² Н. Ленин. Собрание сочинений. Т. XV. 1923. С. 100.

³ Кюльман подписал Брест-Литовские акты 7/III, в Бухаресте, и потому они носят двойную дату 3/7 марта.

межутках между Октябрем и Брестом, сложившиеся тогда объективные условия были хорошо использованы германским милитаризмом. И если верно, что «Ленин уже в конце ноября настаивал на заключении мира, как можно скорее, — он был совершенно прав, ибо чем раньше мы заключили бы мир, тем менее он был бы для нас тяжелым»¹. Но революционизирующее значение Бреста было велико, а моральную победу, одержанную Советской Россией, вынуждены признать даже противники последней: «В этом русско-германском споре наша сторона была правой, — пишет принц Макс Баденский в своих недавно опубликованных мемуарах, — и мы имели, как никогда до тех пор, доверие остальных народов; но те тайные методы, по которым велись наши переговоры, выставили Германию врагом, а Россию защитником мелких наций перед остальными странами»². Мирная программа и общая позиция Советской России была настолько популярна в широких кругах европейской и американской демократии, что руководитель английской политики Ллойд-Джордж, воспользовавшись позицией германского империализма, разоблачившего себя в Бресте, вынужден был, дабы удержать свое влияние, в своей речи, произнесенной 5 января 1918 г. перед английскими трэд-юнионами, прикрыть истинные цели империалистической политики и войны до конца заимствованными из советского лексикона словами о самоопределении народов. Все это было, конечно, лишь тактическим маневром умного политического деятеля, но об отношении его аудитории к брестским переговорам можно судить по тому, с какой сдержанностью вынужден был говорить о Советской России будущий организатор иностранной контрреволюционной интервенции. И еще в некоторых отношениях стоит упомянуть это симптоматическое выступление. Дело в том, что выдвинутые тут некоторые пункты могли быть истолкованы, как мирные условия Антанты, — отчасти, в требованиях, предъявленных Германии, — совпадающие с программой советской мирной делегации. Так, например, Ллойд-Джордж требовал плебисцита в германских колониях, — извращая, таким образом, в интересах Антанты истинно-демократическую программу мира, защищаемую Советской Россией. Требуя от Германии ясности в Бельгийском вопросе и подтверждая безусловное право Франции на Эльзас-Лотарингию, английский премьер, в условиях захватнической политики Германии в Бресте, в форме демократических требований пытался разоблачением Четверного союза завуалировать империалистические притязания Антанты и

¹ М. Н. Покровский. Внешняя политика России в XX веке. Стр. 73.

² Pinz Max von Baden. Erinnerungen und Dokumente. S. 193.

преодолеть тем самым движение усиливающейся внутри страны оппозиции.

Ясности в бельгийском вопросе было довольно трудно добиться от германского правительства не только Ллойд-Джорджу или Асквиту (публично запрашивавшему германского канцлера в речи 27 июля 1917 г.), но и Ватикану, дипломатам различных нейтральных государств, и даже депутатам партии большинства германского рейхстага: германский империализм не мог раскрыть своих истинных намерений оставить оккупированную территорию за собой «в качестве залога», по выражению канцлера графа Гертлинга, т.-е. намерений вассализировать Бельгию.

Удар, полученный в Бресте, Антанта пыталась компенсировать по своему, используя, как поучительный урок, печальный опыт роли соотношения сил в мирных переговорах на Востоке, провоцируя quasi-демократическими формулами германский империализм и преодолевая свою собственную внутреннюю оппозицию. Указывая, что Германия, силой захватившая ряд областей России, добровольно их не вернет, Ллойд Джордж заявил: «Теперешнее правительство ведет переговоры с общим врагом относительно сепаратного мира. Я не делаю резких упреков, я констатирую только факты, дабы сообщить, что Англия не может нести ответственность за дела, происшедшие без ее ведома»¹.

Это выступление Ллойд-Джорджа было не случайно в политической линии Антанты. Оно было соответствующим образом оценено в прессе обоих враждующих лагерей, а именно, как ответ одного из руководителей политики Антанты на мирные переговоры в Брест-Литовске, где во всей своей обнаженности столкнулись две программы мира: программа агрессивного германского империализма и подлинно-демократическая программа Советов. Это столкновение, осложненное усилением общей тяги к миру, и заставило официальную политику Антанты изменить свой внешний лик разоблачением германской политики и нейтрализацией советского влияния. Завершающим выражением этого общего поворота политики Антанты, исходящего из факта и течения брест-литовских переговоров, как они сказались на всем комплексе международно-политических и внутренне-политических отношений, — можно считать знаменитые 14 пунктов Вильсона, которые являются разработанной, углубленной, дополненной, модифицированной формой основных положений английского премьера.

Моральную победу Советской России в Брест-Литовске Антанта старалась использовать под углом зрения полити-

¹ Prinz Max von Baden. S. 196.

ческой компрометации Германии. Если объективно-исторически Брестский мир оказался для Германии Пирровой победой, то еще является проблемой другая сторона дела: были ли Брест действительно сильнейшим ударом по Антанте? Во всяком случае, противоположный тезис имеет не менее прав и оснований для своего объективного рассмотрения.

Еще во время брестских переговоров вопрос о заключении мира с Румынией, диктуемый для Четверного союза необходимостью покончить с правым флангом восточного фронта, не только стал в порядок дня, но и вошел, благодаря принятым уставшей Австрией секретным даже от Германии шагам, в стадию своей реализации. Эти мирные переговоры с Румынией с самого начала вскрыли те противоречивые линии интересов, которые гнездились внутри Четверного союза и которые прорывались каждый раз, когда появлялся повод для дележа результатов побед. На сей раз столкнулись интересы всех держав, входящих в Четверной союз. Германия пыталась навязать Румынии длительный финансовый контроль и получить для своих торговых обществ железные дороги и гавани, казенные земли и нефтяные промыслы. Эти требования, носившие не столько специально-военный, сколько обще-экономический характер, формулированы были не кем иным, как Людендорфом: еще одна иллюстрация социальной природы германского военного командования. Но тут Германии пришлось встретиться с резким противодействием Австро-Венгрии, которая вовсе не хотела примириться с проникновением в соседнюю ей Румынию германского экономического и политического влияния. Для того, чтобы ослабить напор Германии, Австро-Венгрии пришлось открыть карты и объявить основные предварительные условия, намеченные в тайных переговорах с Румынией. Еще более серьезная борьба между союзниками разыгралась по вопросу о Добрудже, на которую Турция и Болгария предъявляли права и которую Румыния, пользуясь поддержкой Австрии, всячески старалась оставить за собой. Борьба разгорелась до такой степени, что Германии и Австро-Венгрии пришлось потратить достаточно усилий для предотвращения развала Четверного союза. Болгария требовала Добруджу ультимативно, грозя в противном случае выйти из союза, Турция же, аргументируя тем, что Добруджа завоевана ее двумя армейскими корпусами, соглашалась уступить яблоко раздора, лишь получив соответствующую компенсацию в виде куска болгарской территории. В результате многочисленных конференций австро-германской дипломатии удалось выработать формулу, которая и была принята, но которая никого не удовлетворила: Старая Добруджа была уступлена Болгарии, судьба же остальной ее части, для которой устан...

вливался временный кондоминиум всех держав Четверного союза, подлежала разрешению в будущем. Вопреки давлению Германии, Венгрии удалось аннексировать некоторые территории у Румынии, которая, в результате довольно искусно проведенной игры на вскрывшихся между державами Четверного союза противоречиях, компенсировала себя выходом к Черному морю и захватом Бессарабии. И Германия и Австро-Венгрия санкционировали этот захват, и, таким образом, жертвой Бухарестского мира, подписанного 7 мая 1918 г., но никогда не ратифицированного, в виду вскоре последовавшего выпадения Болгарии из ряда Четверного союза, оказались интересы Советской России.

Германское высшее военное командование не ошиблось, когда оценивало Брестский и Бухарестский мир, как мир вооруженный, и считалось с возможностью возникновения восточного фронта, тем более для держав Центральной Европы опасного, что на западе концентрировался ударный кулак для решительного наступления. Действительно, Антанта всячески пыталась восстановить восточный фронт, а советское правительство, в поисках противодействия агрессивности германского империализма, вступило с неофициальным американским агентом в переговоры, не давшие, однако, реальных результатов¹. Именно в этой связи и следует, вероятно, понимать приветственную телеграмму Вильсона, полученную Четвертым Всероссийским чрезвычайным съездом советов. Брестский договор 16 марта был ратифицирован этим же съездом, а через несколько дней германским рейхстагом. Не восстановив военного фронта против Германии силами Советской России, Антанта стала пытаться сделать это, опираясь на антисоветские силы. Соперником Антанты в борьбе за эту опору была Германия, которая по отношению к Советской России вела двойственную политику, вытекавшую из позиции германского империализма: с одной стороны, борьба с показательным уроком социальной революции, с другой стороны, желание использовать заманчивые перспективы, открываемые Брестским договором, и, в первую очередь, скорейшее возвращение военнопленных и интернированных немцев, коих можно было бы, в условиях явного истощения человеческого материала, использовать на западном фронте, и получение возможности эксплуатации естественных богатств и сырья Советской России, всего того, в чем Германия ощущала такой острый недостаток в напряженной экономической войне. Эта двойственность политической линии германского империализма внешним образом отозвалась в том, что в то время как граф

¹ Alfred V. P. Dennis. The Foreign Policies of Soviet Russia. New-York, 1924. P. 460—461.

Мирбах в Москве пытался ослабить экономическую блокаду Германии, а в Берлине министерством иностранных дел велись с допущенным туда полномочным представителем Советской России—Июffe переговоры о дополнительных соглашениях политического, территориального, финансового и экономического характера,—Германия, с другой стороны, открыто поддерживала всех тех, кто с оружием в руках боролся с советской властью: в Финляндии—генерала фон-Маннергейма, на Украине—сначала Раду, а затем гетмана Скоропадского, на Дону—генерала Краснова и предполагала привлечь на свою сторону генерала Алексеева, в Грузии—меньшевистское правительство, которое поддерживалось тем более охотно, что таким образом Германия получала возможность добраться до кавказского сырья и эксплуатации проходящей через Тифлис железной дороги независимой от Турции (предварительное соглашение, заключенное в Потти 28 мая 1918 г.):—именно так аргументировало германское высшее командование свои действия и тем самым надлежащим образом охарактеризовало существующие между державами Четвертного союза отношения. Ненасытная в своих империалистических притязаниях, выявленных в переговорах о дополнительных соглашениях, Германия своими войсками, совместно с австрийскими, оккупировала бесконечные пространства восточных областей, преследуя цели раздробления соседней великой державы на востоке и надеясь вывезти отсюда как можно больше продовольственных запасов. Однако, из оккупированных областей экспортировались не только продовольственные грузы, но и революционные идеи, которые оказали на положение Центральных держав двоякое влияние: во-первых, благодаря их силе, т.-е. в результате различных форм сопротивления крестьянства и рабочих (особенно железнодорожников), количество вывозимого продовольствия далеко не достигало предполагаемой величины¹, а это не могло не отразиться на положении центральных держав, а во-вторых, они, эти революционные идеи, проникли и в среду оккупационных войск, откуда перекинулись на благодарную почву отечественной действительности и на западный фронт, который с лета 1918 г. уже был окончательно сломен. Положение на Западе, вне зависимости от сознательной антивоенной пропаганды агитаторских кадров, имело революционизирующий характер, а факт смены в Германии в течение 15 месяцев трех канцлеров (после ухода Бетман-Гольвега, Михаэлис, Гертлинг и Макс Баденский) и переход к парламент-

¹ В общем, если верить Чернину, из Украины— с начала весны 1918 года до ноября 1918 г. всего было вывезено 42.000 вагонов продовольствия или 113.421 тонн (в Германию, Австро-Венгрию, Болгарию и Турцию).

скому режиму—все это внешним образом свидетельствовало о мощном напоре низших классов общества, о прорвавшихся наружу глубочайших процессах социальной борьбы, о нарушении социальной устойчивости. Германская революция явно нарастала—Советская Россия ошиблась только в сроке, а каково было влияние Октябрьской революции, можно заключить из того, что наиболее законченные представители германского империализма (Гельферих, Людендорф и др.) впоследствии считали самой большой ошибкой отказ Германии от интервенции и подавления революции и политику переговоров с Советской Россией.

Если еще зимой 1916—1917 года, как показали Гинденбург и Людендорф перед Следственной Комиссией Германского Национального Собрания, военное командование видело в применении беспощадной подводной войны единственную возможность выиграть мировую схватку, то к лету 1918 г., уже совершенно ясно стало, что ставка на этот способ борьбы бита. Америка, в условиях, когда Россия из рядов Антанты вышла и когда своим энергичным вмешательством в решительный момент она предполагала в результате победы получить возможность диктовать свои условия не только Германии, но и Антанте,—стала транспортировать в Европу свои войска с такой быстротой, которая оказалась неожиданностью для Германии. К началу лета С. Штаты имели во Франции 15—20 дивизий, а вскоре общее количество американских войск возросло до 900.000 человек¹. Одновременно французы ввели в бой большое количество цветных войск. Не только германская солдатская масса понимала безнадежность положения, но и оптимисты *ex officio*, Германский главный штаб летом 1918 г. перестал скрывать отсутствие всякой надежды на победу. Благоприятная для германских войск военная ситуация на западном фронте уже к концу марта 1918 г. была потеряна. Для восстановления ее было предпринято грандиозное новое наступление широким фронтом по обе стороны Реймса, которое закончилось сокрушительным контр-наступлением Антанты, особенно сильным на участке между Реймсом и Аррасом. Этот период военных событий, закончившийся

¹ О роли С. Штатов в войне дает некоторое представление следующая таблица:

Государственный доход		Р а с х о д	
1915/16. . .	1.153.044.639 долл.	1.072.894.093	долл.
1916/17. . .	3.882.068.711 "	3.083.467.791	"
С м е т а:			
1917/18. . .	13.647.716.161 "	18.775.919.955	"
1918/19. . .	5.176.060.460 "	12.804.034.440	"

(О. Krahl. S. 16С).

лишь к середине августа, сделал для Германии необходимым дальнейшее отступление на старые Зигфридовские позиции и на примерах крупного масштаба вскрыл истинное отношение армии к беспощадной войне: началось то, что военное командование называло дезорганизацией армии. Солдатская масса на деле показала свое отношение к бессмысленно тянущейся войне: «Наши солдаты,—пишет генерал Людендорф в своих обстоятельных и интересных воспоминаниях, посвященных этим трагическим для германского империализма событиям,—сдавались отдельным неприятельским всадникам, сомкнутые части складывали оружие перед танком. Одной свежей дивизии, которая храбро шла в атаку, отступающие войска кричали: «Штрейкбрехеры» и „Kriegsverlängerer“». Эти слова повторялись еще впоследствии. Во многих частях офицеры уже не имели никакого влияния и плыли по течению»¹. Военное командование пыталось бороться всякими средствами, например, насаждением «политического просвещения», однако все это было паллиативом и не могло, конечно, противостоять нарастанию мощной революционной волны в тылу и на фронте. То, что понимала солдатская масса, лишь в результате сильного военного поражения начало понимать главное командование: безнадежность войны и необходимость скорейшего мира, заключением которого германское правительство предполагало предотвратить надвигающуюся революцию.

Попытки завязать мирные переговоры с Антантой делались Германией неоднократно. Зондирование почвы через Гаагу, имевшее место еще летом 1917 г., оказалось безрезультатным, так как с германской стороны был дан слишком неопределенный и потому для Антанты неприемлемый ответ на публичный запрос Асквита о будущей судьбе оккупированной Бельгии. Попытка Ватикана (в августе 1917 г.) выступить посредником между воюющими странами повисла в воздухе. Далее обоюдного предварительного зондирования ничего не подвинулось и в Женеве, где в феврале 1918 г. состоялась встреча члена германского рейхстага Гауссмана с одним американцем (профессором Herron) и намечалась через одного голландского пацифиста другая встреча с тремя видными английскими парламентарными деятелями, сорвавшаяся, впрочем, благодаря тому, что английское правительство отказало в паспортах. В самом начале марта была, очевидно, сделана попытка договориться с Антантой в Гааге, где Макс Варбург, действовавший с ведома канцлера графа Гертлинга, вел переговоры через голландских дипломатов с американским посланником, однако, и это ни к чему не привело, так как со стороны последнего, в качестве

² Людендорф. Мои воспоминания о войне 1914—1918. Т. II. С. 241.

одного из главных предварительных условий мирных переговоров, было выставлено требование пересмотра Брестского договора, на что с германской стороны последовал отказ. Имеются сведения, что тогда же в Гааге, через других лиц, С. Штаты, в качестве необходимых условий для вступления Антанты в официальные переговоры с Германией, выставили требование обязательной эвакуации германских войск из оккупированной Бельгии и северной Франции, уплаты репараций, объявления самостоятельности Эльзас-Лотарингии, отказа от Брестского мирного договора, передачи всех вопросов, касающихся Восточной Европы, на усмотрение созываемой Антантой мирной конференции и, наконец, полное изменение правительственной системы в Германии¹. Принц Макс Баденский в своих мемуарах весьма низко оценивает точность этих сведений, которые, однако, в перспективе общего направления германской политики, в свете материалов, богато представленных в тех же мемуарах, все же могут иметь известное значение. Дело в том, что, с увеличением общих затруднений, в связи с напряжением внутреннего состояния государств Четверного союза и положения на фронтах, в руководящих кругах Германии все более явно назревала политическая программа, которая ориентировалась на то, чтобы укреплением своего, полученного в Брест-Литовске, влияния на Востоке, компенсировать неизбежные, в виду невыгодно сложившегося соотношения сил, уступки Антанте на Западе.

В этом отношении весьма характерно состоявшееся 20 августа 1918 г. выступление статс-секретаря Зольфа, заявившего, что Германия ни в какой форме не собирается оставить Бельгию за собой, что «восстановлению Бельгии ничто не препятствует, кроме желания воевать, имеющегося у наших врагов», и охарактеризовавшего далее Брестский договор только как схему, конкретное содержание которой разработано лишь в самых общих чертах: «Германское правительство решило, что просимая (окраинами бывшей Российской империи.—А. Е.) и предоставленная защита не будет использована для насильственной аннексии»². Это были новые слова, которые свидетельствовали о том, что германский империализм ищет выхода из создавшегося положения.

Развязка пришла, но, однако, совсем с другой стороны. Ненадолго утихшие бои снова возобновились дальнейшим наступлением войск Антанты на Зигфридовские позиции, при чем 12 сентября американские войска, которые за

¹ W. Foerster. Graf Schlieffen und der Weltkrieg. Berlin 1921. Dritter Teil. S. 79. Cp. Prinz Max von Baden S. 243.

² Prinz Max von Baden. S. 293.

один лишь август прибыли во Францию в количестве 350.000 человек, при поддержке французов и бросив в бой не менее тысячи танков,—повели наступление на германские позиции С. Мигиеля, к востоку от Мааса, пытаясь окружить германскую армию. Этого последнего американцам не удалось сделать во всей полноте, однако, позиции были заняты и победа была полная. Для преследования немецких войск, пытавшихся отразить или ослабить энергичное наступление Антанты, были брошены большие свежие кадры человеческого и богатейшие запасы технического материала. Наступление шло по всему западному фронту от Северного моря до Вогезов,—а значение этих военных событий и соотношение сил между воюющими сторонами было достаточно ясно: Германия за два дня конца сентября потеряла все то, что войска Антанты не смогли в прошлом году достичь в течение пятимесячной борьбы, пожертвовав громадными потерями. Одновременно в середине сентября, когда на западном фронте наступление Антанты на Зигфридовские позиции свидетельствовали о начале конца, свершилось падение Болгарии и Турции, столь еще недавно препиравшихся из-за дележа Добруджи. Под ударами войск Антанты, революционного брожения (в армии появились советы солдатских депутатов), а также, вероятно, не без влияния деятельности дипломатии С. Штатов, с которыми Болгария официально в войне не находилась, болгарская армия распалась,—и таким образом, Четверной союз получил первую реальную брешь, тем более для держав Центральной Европы опасную, что их позиция на Балканах сразу оказалась сломленной: Антанта получила возможность произвести удар на Венгрию во фланг Австрии и Германии, ибо Италия готовилась к наступлению, в Румынии Бухарестским миром была создана обстановка весьма напряженная, а на благоприятное отношение Советской России Германия надеяться, конечно, не могла.

Брешь в системе Четверного союза тотчас же разрослась благодаря капитуляции Турции, которая потерпела решительное поражение в результате предпринятого 19 сентября наступления англичан в Сирии по всему фронту. Наиболее слабые из членов Четверного союза, вышли из строя. Первая наружная трещина в системе Четверного союза дана была Австро-Венгрией. Нараставшее в двуединой монархии революционное и сепаратистское движение вместе с внутренним истощением страны давно толкало австро-венгерское правительство в сторону заключения мира. Австрийские угрозы сепаратного мира во время брест-литовских переговоров были вполне реальны. Надежды на Брестский мир—«хлебный мир»—оказались преувеличенными. Двуединая монархия заколебалась в своих основах, а отношение к

Германии обострилось не только тем, что от последней перестала поступать помощь, но и тем, что при заключении дополнительных соглашений с Советской Россией—Австро-Венгрия оказалась оттертой на задний план,—черта весьма характерная для империалистического государства, которое остается верным самому себе даже на краю гибельной пропасти. 14 сентября австро-венгерский министр иностранных дел граф Буриан, сменивший на этом посту Чернина, сделал, без предварительного соглашения с Германией, прямое предложение всем воюющим державам открыть переговоры об условиях мира, но если Германия (20 сентября), Болгария (21 сентября) и Турция (24 сентября) ответили согласием,—то правительства Антанты встретили австрийское предложение весьма холодно, по-своему его истолковав: «Настоящее предложение,—заявил Бальфур от имени британского правительства,—не есть попытка перейти к мирному соглашению, но попытка ослабить силы, которые на фронте проявили себя слишком крепкими; предложение не может повести к миру». Германия, таким образом, стояла накануне катастрофы: отпадение Болгарии и Турции и вовсе недвусмысленная позиция Австро-Венгрии—все это означало крах системы Четверного союза; потрясение и начало распада всего фронта под сокрушающими ударами превосходящих сил Антанты, получающей свежий приток американских подкреплений, в то время как в германских войсках, кстати сказать, не получающих пополнения, углублялся процесс антивоенного революционного брожения,—все это характеризовало положение на Западе,—между тем, как на востоке отношения с Советской Россией, а главное перспективы были только такими, какими они могли быть в результате Брестского договора и вынужденного дополнительного, заключенного в Берлине 27 августа 1918 г. договора, по которому советское правительство, на ряду с целым рядом уступок в территориальных и политических вопросах, обязалось уплатить «Германии для вознаграждения потерпевших от русских мероприятий германцев сумму в шесть миллиардов марок»¹. Германия оказалась в военном отношении потрясенной, международно-политически изолированной, в условиях, когда изнутри раздавались первые раскаты революционной грозы. Необходимость «поддержания авторитета внутри государства»—такова была та главнейшая задача, которую имперский канцлер Гертлинг сформулировал еще в середине сентября, когда результаты наступления Антанты и нежелание германских войск воевать выявилось в полной мере. Предотвращение рево-

¹ Ст. 2 дополнительного финансового соглашения. См. Б. Е. Штейн. Торговая политика и торговые договоры Советской России 1917—1922. Гиз. 1923.

люции в самой Германии, заключение перемирия на Западе, как единственная возможность сохранить разбитую армию, и активная политика на Востоке по отношению к Советской России, как борьба с революцией и одновременно козырь в будущих переговорах с Антантой,—таковы были задачи, как они диктовались объективным пониманием вещей, правящих классов Германии. 31 сентября канцлер граф Гертинг ушел в отставку, а затем принц Баденский, известный, как сторонник компромиссного мира, либерал, изобретатель «этического империализма» и как автор фразы о «мировой совести»—реальной опоры в деле достижения мира,—составил из представителей парламентского большинства кабинета, в который вошли и социал-демократы. Под сильнейшим напором военного командования новый кабинет решился, наконец, 3 октября отправить Вильсону ноту с предложением начать мирные переговоры на основе программы, выставленной американским президентом в его послании конгрессу от 8 января 1918 г. (т. назыв. 14 пунктов Вильсона об условиях мира) и в позднейших его декларациях, в частности от 27 сентября, и с просьбой немедленного заключения всеобщего перемирия. Независимо от этой ноты 5-го октября последовало аналогичное предложение от Австро-Венгрии. Основным требованием полученного ответа (нота государственного секретаря С. Штатов Лансинга от 5 октября 1917 г.) являлось предварительное очищение областей Антанты, оккупированных войсками Центральных держав. Германия эти требования принять согласилась (нота от 12 октября), однако, в ответ на это получила новое требование (нота 14 октября) предоставления дальнейших гарантий: обеспечения превосходства сил союзников на всех фронтах и прекращения подводной войны, а кроме того было заявлено, что конкретные вопросы очищения оккупированных областей «должны быть предоставлены суждению и мнению военных советников правительств С. Штатов и союзников», и сделано вильгельмовской Германии весьма многозначительное напоминание слов Вильсона (4 июля 1918 г.) о необходимости «сокрушения всякой основанной на произволе власти, которая может сепаратно, секретно и по своему единоличному усмотрению потрясти всеобщий мир».

Ответ на эти новые требования последовал лишь в результате напряженной борьбы, протекавшей между военным командованием, не соглашавшимся на предварительное прекращение подводной войны, и политическими руководителями, а также в среде этих последних. Не выдержавший германский империализм, изнутри подтачиваемый назревающим революционным движением, под ударами Антанты был вынужден быстро маневрировать, чтобы предупредить

свое крушение, однако, условия, порожденные всей системой Брестского мира, оказались тут для него мертвым грузом. Один из наиболее дальновидных германских политиков, будущий участник Раппальского договора, Вальтер Ратенау уже ранее, тотчас же после получения первой ноты Лансинга, представил план продолжения борьбы, первым пунктом которого обозначена была неотлагательная необходимость пересмотра Брестского договора¹. В сложившихся тогда условиях все это было легче предложить, чем выполнить, так как план был рассчитан на то, что Германия еще сумеет продержаться некоторое время на территории противника, а Людендорф в этом смысле рассеял всякие сомнения: отступление было все равно неизбежно. Как видно из протоколов заседания германского военного кабинета, созванного 17 октября 1918 г.² для обсуждения положения в связи со второй нотой Вильсона, затруднения были не только или, вернее, не столько военно-технического порядка, сколько обще-политического: Германия накануне своего краха не могла выпутаться из того узла противоречий, который был так крепко завязан ею в Бресте. Германский империализм предполагал Брестским договором связать Советскую Россию, но в сложившихся условиях оказалось, что Брестским узлом стянуты его собственные руки. Перебросить войска с востока на запад генерал Людендорф считал невозможным до тех пор, пока не будет с Советской России взыскана вся контрибуция. С другой стороны, в виду хозяйственного значения Украины, еще более увеличивающегося в связи с необходимостью очистить Бельгию, германское военное командование считало невозможным эвакуировать отсюда войска, хотя содержание тут большой армии ни в какой мере не покрывалось экономическими выгодами оккупации. На восстановление Восточного фронта германское командование не рассчитывало, Красная армия была, с его точки зрения, слишком слаба, но революционизирующей роли Советской России была дана верная оценка, а этим оправдывалось содержание на Востоке большой армии, хотя, как было признано, противобольшевистский кордон сам подвергался заражению: германские солдаты, по свидетельству генерала Людендорфа, превращались в «русских большевиков». Есть много оснований предполагать, что все эти противоречия в сложившейся для императорской Германии ситуации охватывались все же единой политической линией, исходящей так или иначе из учета положения под углом зрения необходимости спасти монархию, соответствующим образом направляющей мероприятия военного кабинета и

¹ Pinz Max von Baden. S. S. 393—394. Brief an den Kriegsministe Scheuch. 9. Oktober 1918.

² Jb. S. S. 419—452. Sitzung der Kriegskabinetts 17. Oktober 1918

рассчитанной на определенный эффект в будущем. Борьба с революцией, с «большевизмом» стала главной задачей германского правительства,—это достаточно ясно выступает во всех материалах, относящихся к данной эпохе. Вопрос сводился к методам политического действия. Адмирал Тирпитц, не совсем осведомленный об истинном положении вещей, даже в самом конце октября еще предлагал укрепить общее положение и предупредить развитие «большевизма» сильным ударом на Западном фронте¹. Но руководящие политические круги, более осведомленные, чем отставленный адмирал, руководились иной политической методологией: в борьбе с революцией, нарастающей внутри Германии, стали опираться на привлеченную к власти социал-демократию, а борьбой с российской революцией предполагали вырвать некоторые уступки у Антанты, полная победа которой стала очевидной. В результате борьбы различных политических группировок, германское правительство поставило своей главной целью, как это совершенно ясно и неоднократно формулировал тогдашний канцлер², спасти, опираясь на социал-демократию, династию Гогенцоллернов. Отсюда вытекает политическая линия, получившая свою реализацию в практике германского правительства, которое шло на тяжелый мир, надеясь спасти корону и предупредить развитие «большевизма».

Германское правительство в своей третьей (от 20 октября) и на новые требования Антанты согласилось, заметив при этом, дабы снять с дискуссии вопрос об императоре, что оно является правительством ответственным. С. Штаты, не удовлетворившиеся этим, в ноте от 23 октября пред'явили такие предварительные условия для перемирия, которые означали требование полной капитуляции Германии: «Если же С. Штатам придется теперь вести переговоры с военными властями Германии и ее монархом, то они будут требовать не мирных переговоров, а сдачи».

Первые взрывы германской революции дали событиям ускоренный темп. Возмущение частей военного флота в Киле в связи с приказом выйти в открытое море (28 октября), вылившееся тотчас же (30—31 октября) в восстание, охватившее весь флот,—получило революционно-организационную форму в виде советов рабочих и солдатских депутатов. Революция перекинулась в Ганновер, Гамбург, Шверин и др. города, народные массы забирали свою судьбу в собственные руки, и германское правительство,, которое не смогло подавить стихию революции, дабы не выпустить из своих рук руководящего значения, очевидно, надеясь еще

¹ A. Tirpitz. Deutschlands Ohnmachtspolitik im Weltkriege. S. 619 f. Zweiter Brief an Max Prinz von Baden. 30. Oktober 1918.

² Prinz Max von Baden. S. S. 495, 614 и др.

не быть сметенным, решилось при полном одобрении верховного командования, как это подчеркивает Эрцбергер, выкинуть белый флаг и отправиться к маршалу Фошу на капитуляцию. И уже тогда, когда решение это было принято, получилось от американского государственного секретаря Лансинга (5 ноября) согласие вступить в переговоры на основе принципов, изложенных Вильсоном в обращении к конгрессу от 8 января 1918 г.,—однако, с тем непременным условием, что право интерпретации остается за Антантой, и «что Германией будет дана компенсация за все убытки, причиненные гражданскому населению союзников и их имуществу вследствие нападения Германии на суше, на море и с воздуха».

Основное направление германской политики данного остропереломного момента достаточно выпукло выступает в том, что одновременно с решением капитулировать перед Антантой последнее правительство Германской империи создало в отношении Советской России такое положение, которое германскими милитаристами оценивалось как возобновление состояния войны. Разрывом дипломатических отношений с Советской Россией, состоявшимся 5 ноября, германское правительство предполагало изолировать нарастающее революционное движение от Октябрьской революции, а борьбой с революционной Россией—купить себе благосклонность Антанты. Принц Макс Баденский еще в начале 1918 г. публично выступил с многозначительной концепцией о германской миссии бороться с восточным большевизмом, как врагом всей западной цивилизации. При первых раскатах германской революции он получил в этом поддержку социал-демократов, которые теперь подсаказали даже предлог разрыва с Советской Россией: «Шейдеман находился теперь всецело в заботах об угрозе большевизма, которые он еще в начале октября осмеивал как мешанскую истерию,—пишет последний канцлер Германской империи.—28 октября после большого заседания, он вместе с Древсом настаивал на том, чтобы установить строгую слежку за русским посольством и его связями. Тот же самый Шейдеман был инициатором внезапного вскрытия курьерского мешка на Шлезвигском вокзале и предложил в качестве угрозы прекратить поставки угля России»¹. День разрыва с Советской Россией не случайно был тем днем, когда из Вашингтона получено было согласие приступить к мирным переговорам и когда вожди германской социал-демократии, боясь потерять влияние в массах, требовали отказа императора Вильгельма от престола, а не желая углубления революции, пытались настоять на введении демократической

¹ Prinz Max von Baden S. 523. Эти сведения подтверждаются и генералом Гренером.

монархии. «Я вам советую, генерал,—заявил будущий президент германской республики представителю правительственной и военной власти,—принять еще раз самые срочные меры к спасению монархии и предложить одного из принцев на пост регента»¹. «Если кайзер не передумает,—заявил Эберт принцу Максу Баденскому,—то социальная революция неизбежна. Я ее не желаю, для меня она ненавистна, как смертный грех»². Попад между молотом победившего империализма Антанты и наковальней революционной России, запутавшись среди противоречий, созданных собственными руками в Бресте, в условиях, когда в самой Германии поднялась могучая революционная волна, угрожающая не только династии, но и всему социально-политическому строю, побежденный германский империализм надеялся получить хотя бы минимальные условия для своего существования, выступив в качестве активного агента мирового империализма в борьбе против революции, организованной в государство. «Об очищении областей на востоке вопрос (на совещании с ген.-фельдм. Гинденбургом.—А. Е.) не поднимался, и я думаю, что в данном случае Антанта признала бы опасность большевизма, которая угрожала также и ей»—это генерал Людендорф говорит всеми словами³.

Однако реализовать намеченную политическую линию императорской Германии не удалось. Выступление в качестве агента Антанты в борьбе с Советской Россией было парализовано революционным выступлением в самой Германии. 9 ноября империя в Германии рухнула, через два дня в Компьенском лесу, близ Ретонд, между Антантой и Германией было подписано перемирие, а еще через два дня в Москве Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет аннулировал Брест-литовский договор. Если программа дореволюционного германского правительства борьбы с революционным Востоком в целях смягчения своей участи перед лицом империализма Антанты имела свой исторический, т. е. относительный и событиями преодоленный *raison d'être* то вся геополитическая конфигурация и расстановка во времени только что названных событий имеет свой исторический и для всего периода завершающий смысл, который в отношении к Советской России может быть уложен в одну формулу:

«Ленин уступил пространство, но выиграл время».

¹ Jb. S. 523. Cp. Der Dolchstoßprozess. Nach den Berichten von Ewald Beckmann. München 1925.

² Prinz Max von Baden. S. 600.

³ Людендорф. Мои воспоминания о войне. 1914—1918. II, стр. 273.